

РАТНЫЙ ЧИН

По мере того как русские земли объединились вокруг Москвы и ее могущество стало внушать опасения, ее соседи стали проявлять все более пристальное внимание к военному строю Руси. Австрийский посол Сигизмунд Герберштейн потратил немало труда, чтобы составить представление о военных обычаях и воинском искусстве Руси. По поводу увиденного он писал в своих «Записках» следующее: «Каждые два или три года государь производит набор по областям и переписывает детей боярских с целью узнать их число и сколько у кого лошадей и служителей. Затем он определяет каждому жалованье. Те же, кто может по достаткам своего имущества, служат без жалованья».

Перед нами раннее свидетельство о проведении в Москве смотров служилых дворян и детей боярских.

«Отдых служилым людям дается редко, ибо государь ведет войну или с литовцами, или с ливонцами, или со шведами, или с казанскими татарами, или если он не ведет никакой войны, то все же каждый год обычно ставит караулы в местностях около Танаиса и Оки, в количестве двадцати тысяч человек, для обуздания набегов и грабежей перекопских татар. Государь обычно вызывает некоторых по очереди из их областей, и

они исполняют для него в Москве всевозможные обязанности. В военное же время они не отправляют погонной и поочередной службы, а обязаны все вместе и каждый в отдельности, как состоящие на жалованье, так и ожидающие милости государя, идти на войну.

Лошади у них маленькие, холощенные, не подкованы; узда самая легкая; затем седла приспособлены у них с таким расчетом, что всадники могут безо всякого труда поворачиваться во все стороны и натягивать лук. Ноги у сидящих на лошади до такой степени стянуты одна с другой, что они вовсе не могут выдержать несколько более сильного удара копья или стрелы. К шпорам прибегают весьма немногие, а большинство пользуется плеткой, которая висит всегда на мизинце правой руки, так что они могут всегда схватить ее, когда нужно, и пустить в ход, а если дело опять дойдет до оружия, то они оставляют плетку, и она висит по-прежнему.

Обыкновенное оружие у них составляют лук, стрелы, топор и палка, наподобие булавы, которая по-русски называется кистень, по-польски бассалык. Саблю употребляют более знатные и более богатые. Продолговатые кинжалы, висящие наподобие ножей, спрятаны у них в ножнах до такой степени глубоко, что с трудом можно коснуться до верхней части рукоятки или схватить ее в случае надобности. Равным образом и повод от узды у них в употреблении длинный и на конце прорезанный; они привязывают его к пальцу левой руки, чтобы можно было схватить лук и, натянув его, пустить в ход. Хотя они одновременно держат в руках узду, лук, саблю, стрелу и плеть, однако ловко и безо всякого затруднения умеют пользоваться ими.

Русские на протяжении столетий вели войну с кочевниками, что не могло не сказаться на их вооружении. Некоторые из более знатных носят латы, кольчугу, сделанную искусно, как будто из чешуи, и наручи; весьма немногие имеют шлем, заостренный сверху наподобие пирамиды.

Некоторые носят платье, подбитое ватой, для защиты от всяких ударов. Употребляют они и копья.

В сражениях они никогда не употребляли ни пехоты, ни пушек. Ибо все, что они ни делают, нападают ли на врага, или преследуют его, или бегут от него, они совершают внезапно и быстро, и таким образом ни пехота, ни пушки не могут следовать за ними.

Теперь князь Василий имеет пушечных литейщиков, немцев и итальянцев, которые, кроме пищалей и воинских орудий, льют также железные ядра, какими пользуются и наши государи, но московиты не умеют и не могут пользоваться этими ядрами в сражении, так как у них все основано на быстроте».

В начале XVI в. в Германии было изобретено ружье. В Московии организация стрелецкого войска — стрелецкой пехоты — пришла на более позднее время.

«Для разбития стана русские выбирают весьма обширное место, где более знатные разбивают палатки, а другие втыкают в землю нечто вроде дуги из прутьев и покрывают ее епанчами, чтобы прятать туда седла, луки и другое в этом роде и чтобы защититься от дождя. Лошадей они выгоняют на пастбища, ради чего их палатки расставлены одна от другой очень широко; они не укрепляют их ни повозками, ни рвом, ни другой какой преградой, если только это место не укреплено случайно от природы или лесом, или реками, или болотами.

Пожалуй, кому-нибудь могло бы показаться удивительным, что они содержат себя и своих на столь скудное жалование и притом, как я выше сказал, столь долгое время; поэтому я разъясню в кратких словах их бережливость и воздержанность. Тот, у кого шесть лошадей, а иногда и больше, пользуется только одной из них в качестве подъемной или вьючной, на которой везет необходимое для жизни. Прежде всего такой человек имеет в мешке, длиною в две или три пяди, толченое просо, потом восемь или десять фунтов соленой свинины; есть у него в мешке и соль, и притом, если он богат, смешанная с перцем. Кроме того, каждый носит с собою топор, огниво, котлы или медный горшок, чтобы, если он случайно попадет туда, где не найдет ни плодов, ни чеснока, ни луку или дичи, иметь

возможность развести там огонь, наполнить горшок водою, бросить в него полную ложку проса, прибавить соли и варить; довольствуясь такой пищей, живут и господин, и рабы. Затем если господин будет чересчур голоден, то он истребляет все это, и таким образом рабы имеют иногда отличный повод поститься целых два или три дня. Если же господин хочет пиршествовать роскошнее, то он прибавляет маленькую частицу свиного мяса. Я говорю не о более знатных, а о людях среднего достатка. Вожди войска и другие военные начальники время от времени приглашают к себе других победнее, и, получив хороший обед, эти последние воздерживаются иногда потом от пищи два или три дня.

Готовясь вступить в сражение, московиты возлагают более надежды на численность и на то, со сколь великими полчищами нападут они на врага, а не на силу воинов и на возможно лучшее построение войска; они счастливее сражаются издали, чем вблизи, и потому особенно стараются обойти врага и напасть на него с тылу.

У них много трубачей; если они, по отеческому обычаю, станут дуть в свои трубы все вместе и загудят, то можно услышать иногда некое удивительное и необычное созвучие. Есть у них и некий иной род музыки, который на их родном языке называется зурною. Когда они прибегают к ней, то играют почти в продолжение часа, немного более или немного менее, до известной степени безо всякой передышки или втягивания воздуха. Они обыкновенно сперва наполняют воздухом щеки, а затем, как говорят, научившись одновременно втягивать воздух ноздрями, издают грубою звук без перерыва.

Все они имеют сходное одеяние или телесное убранство; кафтаны они носят длинные, без складок, с очень узкими рукавами, почти на венгерский лад; при этом христиане носят узелки, которыми застегивается грудь, на правой стороне, а татары, имеющие очень похожее одеяние, — на левой. Сапоги они носят по большей части красные и притом очень короткие, так что они не доходят до колен, а подошвы у них подбиты железными гвоздиками; застегивают их запястьями или

шариками, серебряными или медными вызолоченными, соединяя ради украшения жемчуг.

Небогатых детей боярских князь ежегодно принимает к себе и содержит, назначив жалованье, но неодинаковое. Те, кому он платит в год по шести золотых, получают жалованье через два года в третий; те же, кому каждый год дается по двенадцать золотых, принуждены быть безо всякой задержки готовыми к исполнению всякой службы, на свой счет и даже с несколькими лошадьми. Знатнейшим, которые правят посольство или несут иные более важные обязанности, назначаются, сообразно с достоинством и трудами каждого, или наместничества, или деревни, или поместья; однако от каждого в отдельности из этого они платят определенную подать.

Им изредка выделяют платежи типа кормлений (с судебными пошлинами), по большей части в пользование только на полтора года; если же он содержит кого на особой милости или расположении, то прибавляет несколько месяцев; по истечении же этого срока всякая милость прекращается, и тебе целых шесть лет подряд придется служить даром».

Вопрос о выплате жалованья служил источником постоянных раздоров. Но лишь немногие из них всплывали на поверхность.

Замена денежного жалованья земельным поместным пожалованьем вызывала сопротивление дворян, что по временам приводило к столкновениям. Посол Герберштейн описал эпизод, происшедший на его глазах в Москве. По его словам, «был некто Василий Третьяк Долматов, который считался в числе самых приближенных дьяков. Василий назначил его послом к цесарю Максимилиану и повелел приготовиться, но когда тот сказал, что у него нет денег на дорогу и на расходы, то его тотчас схватили и отправили в вечное заточение на Белоозеро, где он в конце концов погиб самую жалкою смертью. Князь присвоил себе его имущество, как движимое, так и недвижимое, и хотя он получил три тысячи флоринов наличными деньгами, однако не дал его братьям и наследникам ни гроша. Подлин-

ность этого, помимо всеобщей молвы, подтверждал мне писарь Иоанн, приставленный ко мне государем для доставления вещей, необходимых при обыденных житейских потребностях. Когда Долматов был схвачен, то тот же Иоанн содержал его под своей стражей. Точно так же два брата Василия, Феодор и Захария, которые при нашем возвращении из Можайска в Смоленск были приставлены к нам в звании приставов, утверждали, что дело было именно так». Родня дьяка пожаловала на помин его души пятьдесят рублей в 1517 г.

Дьяк Долматов служил в Посольском приказе. Отказ подчиниться приказу великого князя и ехать в Вену за свой счет вызвал гнев властей. Дьяка подвергли показательному наказанию.